

Российский журнал исследований билингвизма 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Теоретические и прикладные аспекты исследования билингвизма в фокусе научных дискуссий Том . 2021

Когнитивные и прагматилистические основания введения иноязычия в художественный текст (на примере контактоустанавливающей функции билингвем)

Николаев Сергей Георгиевич

Заведующий кафедрой англ. филологии, Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, 34400, ул. Города Волос, 119, кв. 162

Аннотация

В работе рассматриваются русскоязычные тексты и их фрагменты, преимущественно поэтические, созданные на протяжении длительного периода времени (XVIII–XXI вв.), содержащие иноязычные вкрапления – билингвемы. Автор утверждает, что переход с одного языка на другой, внешне нарушающий национально-языковую, национально-культурную гомогенность текстовой ткани, следует расценивать как намеренный, волевой творческий акт продуцента художественной речи. Иноязычие способно выполнять контактоустанавливающую функцию, и когнитивная целостность текста при этом вовсе не страдает: его «обновленная» интегративность не просто сохраняется и укрепляется, но служит основой для смыслового обогащения, верного восприятия и, в целом, безошибочного понимания и дальнейшей интерпретации усложненной смысловой структуры высказывания.

Ключевые слова: художественный текст, билингвема, билингвизация, межъязыковой внутритекстовый стык, контактоустанавливающая (фатическая) функция иноязычия, прагматилистика макаронической речи.

Дата публикации: 22.10.2021

Ссылка для цитирования:

Николаев С. Г. Когнитивные и прагмастилистические основания введения иноязычия в художественный текст (на примере контактоустанавливающей функции билингвем) // Российский журнал исследований билингвизма – 2021. – Теоретические и прикладные аспекты исследования билингвизма в фокусе научных дискуссий С. 24-33 [Электронный ресурс]. URL: <https://bilingualism.ru/S271291870016826-4-1> (дата обращения: 04.07.2024).

¹ **Введение** Когнитологическое направление в современной лингвистике сосредоточено на языке, понимаемом как «инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [6, с. 53]. Уже из этого исходного положения ясно, насколько существенна роль, которую придает когнитивная лингвистика *кодированию* как механизму обработки/хранения информации и *коду* как инструменту передачи информации в целом, но также и разноуровневых элементов информации в частности. Кодом в абсолютном большинстве актов естественной коммуникации выступает не просто язык как некая абстрактная сущность и данность, но определенный, конкретный язык как средство общения пускай значительной, но всегда определенной группы людей. Язык (код) объединяет говорящее на нем сообщество; говорящие пользуются языком и постоянно трансформируют его в процессе длительного общения. Упомянутую группу людей, объединенных «собственным» языком, именуют *нацией*, а ее код, то есть язык, определяют как *национальный*. Смежным и тесно связанным с понятием национального языка выступает понятие *национальной культуры* – прежде всего потому, что язык и есть часть этой культуры, но также и потому, что любой (языковой) код в известной степени состоит из элементов – концептов, которые, помимо прочего, в применении к данному народу и данному языку следует рассматривать как *лингвокультурные* [4, с. 13-15]. Не следует забывать, что связь между национальным языком и национальной культурой нежесткая, поскольку «выделяются смысловые области, в большей мере подверженные универсализации, и смысловые области, в большей степени проявляющие самобытность» [3, с. 106]. И это естественно, ведь процессы информационного трансформирования в пределах одного, «своего» языкового кода как системы во многом обусловлены разнообразными и устойчивыми культурно-языковыми контактами, служащими причиной межъязыковых заимствований (охватывающих, между прочим, всю уровневую вертикаль системы), языкового смешения, в конечном счете развития билингвизма как коммуникативной характеристики отдельных представителей социума, определенной части общества и, что вовсе не исключено, всего общества в целом. С учетом сказанного и на фоне доминирующего и последовательного, то есть преимущественного, пользования одним языковым кодом когнитивный вес приобретает не только и не столько содержательная структура сообщения и/или любого из его значимых компонентов, сколько факт переключения языковых кодов внутри единого, неделимого сообщения. В нашем случае таким сообщением и, одновременно, объектом исследовательского внимания выступает художественный стихотворный текст.

² **Билингвизация художественного текста** Взгляд на стихотворный текст как на сложный когнитивный конструкт, или когнитивную структуру, позволяет отчетливо различить в этой структуре – в ее построении и содержании –

стремление продуцента (автора) насытить высказывание как можно большим объемом информации. Среди приемов и средств такого насыщения, обладающих повышенным экспрессивно-стилистическим и прагматическим потенциалом и особым механизмом воздействия на реципиента, будет билингвизация. Большинство исследователей, занимавшихся анализом тех специфик, которые сопутствуют инкорпорированию «чистого» (неадаптированного) иноязычия в «своеязычный» текст, почти неизменно обращали внимание на фактор стыка между принимающей текстовой средой и принимаемым в нее, «чуждым» для нее языковым элементом – билингвемой (подробно об этом понятии см. в книге [11, с. 56-69]; дальнейшее его развитие за пределы литературного творчества см., например, в работе [1, с. 21-25]). Стык этот, как правило, вполне очевиден, поскольку акцентирован многократно и разнообразно: графически (перевод и, соответственно, переход читательского восприятия от одной алфавитной системы к другой, затем снова к первой), семантически (перевод и переход от одного, известного кода к другому, неизвестному, затем снова к первому), стилистически (разрушение стилистической однородности, целостности текста) и т.д. (см., например, [2, с. 54-56]; [13, с. 40-42]; [7, с. 23]). Другой существенной характерологической чертой введения билингвемы в художественный текст, на которой основан механизм действия иноязычного элемента и экспрессивного воздействия на читателя, выступает его повышенная изобразительность на фоне нейтрального, безобразного или наделенного принципиально отличной, контрастной образностью текстового окружения (см. подробнее: [8, с. 99-103]). Сразу же оговоримся, что функциональный набор (часто комплексной природы), которым наделено авторское введение в художественный текст иноязычного элемента, чрезвычайно богат. В нем различается обширный ряд функций от функции создания комического эффекта (простейшая макароническая речь) до весьма изысканной, не всегда видимой взглядом, не вооруженным филологическим знанием, функция межъязыковых коррелятов. Среди иных, наиболее очевидных, назовем также функцию документализации поэтического повествования; мелиоративную функцию (эвфонизация и эвфемизация текста); функцию выстраивания межъязыковой игры. В том же ряду пребывает и функция, соотносимая с одной из базовых функций языка (по Р.О. Якобсону) – фатическая, или функция языкового контакта, которую мы предполагаем использовать в дальнейшей в качестве наглядного примера, иллюстрирующего авторские рассуждения. Как утверждает С.Л. Нистратова, «чтобы сообщение могло выполнять свои функции, контекст должен восприниматься адресатом. Для этого адресант пользуется кодом, который должен быть общим для участников коммуникации, и устанавливает контакт с получателем сообщения» [12, с. 64]. В действительности же, в литературной и иной художественной практике, так происходит не всегда. Автор литературного произведения вправе нарушать «закон пользования единым кодом» во имя модификации (по типу раздвижения границ) когнитивного пространства своего сообщения и ради повышения его прагматических возможностей. При этом он вовсе не обязан заботиться о знании «второго кода» читателем: неплохим доказательством здесь может служить практика использования многочисленных эпиграфов, которыми русские поэты XIX века снабжали свои произведения и которые они оформляли на древних – мертвых, классических – языках. Более того: автор может и сам не владеть

«вторым языком», инкорпорируемым в «своеязычную» художественную речь, или владеть им в недостаточной мере – ср. поздние стихи Игоря Северянина, написанные им в эмиграции, в Эстонии, с вкраплениями на эстонском языке – при фактическом, никогда не скрываемом незнании этого языка со стороны русскоязычного автора. Единственным «непреодолимым препятствием», ведущим к коммуникативному коллапсу, будет принципиальный монолингвизм автора и читателя, пользующихся разными национальными языками, – условие, требующее перевода текста как дополнительного, но неизбежного в коммуникации волевого творческого усилия. Впрочем, упомянутый коммуникативный коллапс, если он основан на монолингвизме *героев* литературного произведения, может послужить прочной логической основой для создания действенного художественного приема, который снова возвращает нас к рассуждениям об «обновленной» коммуникативной природе художественного текста, о текстовой билингвеме и ее роли в формировании когнитивного облика и прагматилистических характеристик художественного конструкта (см. об этом подробно на конкретном англоязычном поэтическом примере: [9, с. 12-21]; [10, с. 48-53]). Предварительным соображением относительно фатической функции иноязычия в стихотворном тексте будет то, что ее рациональнее всего рассматривать как сложную, обладающую смешанной, составной природой, нацеленную не только на установление контакта, но и на продолжение, также и прекращение коммуникации. Ведь если речь (в нашем случае) идет о диалоге, введенном в художественный текст как его смысловой компонент, то неизбежно возникает вопрос о необходимости учета и соблюдения речевого этикета, без чего диалог невозможен в принципе. А речевой этикет традиционно определяется как «регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических стереотипных устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для *установления* контакта собеседников, *поддержания* и *прерывания* контакта в избранной тональности» [14, с. 9. Выделено нами. – С.Н.]. Поэтому названную выше функцию мы предполагаем трактовать как распадающуюся на две подфункции – установления и, отдельно, прерывания контакта. Обе подфункции проявляются не в полной изоляции друг от друга, но как диалектически взаимосвязанные и взаимодополняющие, хотя и далеко не всегда проявляющиеся в тексте как в едином акте коммуникации между автором и читателем. Действительно, факт перехода с доминантного национального языка на второй, вторичный код внутри текста должен быть прежде всего обусловлен стремлением или к большему (более адекватному) контакту, или, наоборот, демонстративным нежеланием субъекта этот контакт устанавливать и/или продолжать.

3 **Билингвема: установление контакта** Рассмотрение конкретных случаев воплощения заявленной функции естественным образом начнем с подфункции установления языкового контакта. Проще всего было бы представить переход к иноязычию как некий волевой речевой поступок лирического субъекта, обусловленный целью или желанием наладить адекватную коммуникацию с собеседником, нередко условным, для которого язык текста (соответственно, язык автора) не является родным. Так, вполне вероятным может стать предположение, что собеседник-адресат говорит на некоем иностранном языке, и этот второй язык произведения выступает в семантическом пространстве текста культурным

атрибутом, то есть идентификационным признаком упомянутого в тексте лица. Проиллюстрировать сказанное можно одним четверостишием – начальным катреном 1-го стихотворения из цикла «Римские сонеты» Вячеслава Иванова:

4 Вновь, арок древних верный пилигрим, В мой поздний час вечерним «Ave, Roma» Приветствую, как свод родного дома, Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

5 Здесь видим персонификацию, воплощенную в обращении лирического субъекта к городу, чье название («имя») заявлено четырехкратно во всех четырех рифменных окончаниях строфы: пилигрим – Рим, Roma – дома (в последней лексеме фигурирует именно Рим, названный на этот раз «домом»). Особое значение приобретает то, что устное приветствие оформлено не на современном итальянском языке, что также было бы допустимо, поскольку не исключало бы билингвального принципа построения текста, – но на древней классической латыни (*Ave, Roma* – «Приветствую тебя, Рим»). А это уже отсылает читателя к античности, эпохе расцвета Римской Империи и олицетворяющего ее «вечного» города. Таким «изысканным» иноязычием Вяч. Иванов словно акцентирует смысл и значение этой точки на карте мира, единственной и уникальной для говорящего. В итоге современный город, столица современной Италии, воспринимается не просто как отголосок и символ древней цивилизации и культуры, но как средоточие, в котором сходятся дороги («скитаний пристань», ср. с современным устойчивым речением «все дороги ведут в Рим», ведущим свое происхождение со времен раннего Средневековья). Одновременно с этим Рим представлен героем и как его собственный «родной дом». Иными словами, уже первой строфой стихотворения автор максимально приближает, «относит» своего лирического героя к Древнему Риму, делает его в этом городе «своим», «не отличимым» ни от римлян-современников, но и от жителей древнего государства, то есть от римлян исторических. Если сравнивать с позиций внутритекстового иноязычия два классических мертвых языка – латынь и древнегреческий, то следует учесть одну существенную разницу между ними: латинский, конечно, будет восприниматься современным русскоязычным читателем легче и естественнее (причины настолько очевидны и многочисленны, что останавливаться на них здесь не имеет смысла). Гораздо важнее другое: в русскоязычном художественном тексте культурно-исторический ореол древнегреческого будет «мощнее», а его прагмастилистические потенции – на порядок интенсивнее, чем у латыни. Приведем в пример полный текст поэтического произведения, в котором языковая коммуникация перетекает – в определенной ее части – в древний классический язык, на этот раз греческий. Собеседниками выступают автор (который теперь неотличим от лирического героя) и его адресат, причем для обоих родным языком является современный русский, а текстовая билингвама служит «идентификационным знаком». Разумеется, переход на второй язык актуален теперь не только для говорящего, но для двух лиц, то есть и для слушающего – вполне конкретного исторического лица. Можно предположить, что одной из причин переключения кодов в данном случае явился символизм второго языка для условных собеседников и даже его эзотеризм. Под эзотеризмом здесь нужно понимать упомянутую выше недоступность и затрудненность в восприятии

«второго» кода для непосвященных. Обсуждаемым текстом является сонет М. Волошина, написанный им в Коктебеле в 1907 г.

6 Я здесь расту один, как пыльная агава, На голых берегах, среди сожженных гор. Здесь моря вещего глаголящий простор И одиночества змеиная отрав.

7 А там, на севере, крылами плещет слава, Восходит древний бог на жертвенный костер, Там в дар ему несут кошницы легких Ор... Там льды Валерия, там солнца Вячеслава,

8 Там брызнул Константин певучих саламандр, Там снежный хмель взрастил и розлил Александр, Там лидийн «Осел» мечтою осиян

9 И лаврами увит, там нежные Хариты Сплетают верески свирельной Маргариты... О мудрый Вячеслав, χαίρε! – Максимилян.

10 Перед нами – персональное вербальное послание с включенным в него рядом обозначений, которые известны и понятны непосредственному адресату (для восприятия «всеми» они требуют специального комментирования). Автором назван литературный альманах «Цветник Ор. Кошница первая», чьим составителем был Вячеслав Ивановым (вышел в 1907 г.), упомянуты самые видные участники этого сборника – Брюсов, Вяч. Иванов, Бальмонт, Блок и другие (любопытно, что стремление к интимизации – еще один признак эзотеризма – текста-послания видится даже в том, что его автор называет исключительно имена и опускает фамилии реальных лиц). Билингвема, присутствующая в последней строке, оформлена на древнегреческом и представляет собой слово *χαίρε* – «привет». Иноязычное приветствие обращено к адресату стихотворения – Вячеславу Иванову, а после него, в полном соответствии с законами жанра, следует имя автора всего текста. Вообще, приветственные речевые формулы, употребляемые как текстовые билингвемы, встречаются в стихах относительно часто. Как правило, они носят абстрактно-обобщающий характер и, таким образом, не адресуются какому-то конкретному «собеседнику». Иноязычие в таких случаях, сочетаясь со «своеязычием», нацелено на достижение эффекта предельного расширения аудитории с максимально возможным охватом слушателей/читателей, то есть обращения «к миру»: Здравствуй, барэв, гутен морген, хеллоу, шолом, – Я говорю по утрам неизвестному другу. День еще только в проекте, он свернут в рулон. Даст оплеуху он или окажет услугу?

11 Показанным четверостишием начинается стихотворение ростовского поэта Леонида Григорьяна «Светает» (из одноименного сборника 1994 года). Поэтическое произведение написано энергичным пятистопным дактилем, а вся первая его строка состоит из приветствий на русском, армянском, немецком, английском, еврейском (современном иврите) языках. Функциональная, семантическая, коннотативно-эмоциональная однородность этого стиха, «равноправие» каждого из входящих в ее состав лексических элементов-билингвем подчеркнуты единой, то есть унифицирующей кириллической графикой. Но сущностное национально-языковое разнообразие, «разнобой» этих обращений продиктованы тем, что лирический герой адресует их «каждое утро» именно «неизвестному другу», т.е. всем и никому конкретно. Еще один пример

билингвизации стихотворного текста являет собой фрагмент произведения, в котором фигурируют известные разноязычные этикетные формулы, на этот раз не приветственные, а проносимые при прощании. Поэт Сергей Гандлевский вводит их в третью строфу стихотворения «Цыганскому зуду покорны...» (1973). Покажем из него два четверостишия – третье и шестое, заключительное, в котором присутствует именование языка как важный (возможно, ключевой для смысловой структуры произведения) лингвокультурный концепт – *язык*.

<p>12 <...> Потянутся дымные ночи – Good-bye, до свиданья, adieu, Так звери до жизни охочи, Так люди страшатся ее.</p>	<p><...> Огромная русская суша. Баул в стариковской руке. О чем я спрошу свою душу Тогда, на каком языке?</p>
--	---

13 Стихотворение Гандлевского представляет собой напряженную поэтическую рефлексию на тему личной гражданской позиции. Размышления говорящего облечены в форму высказываемой гипотезы относительно того, что ждет героя (переданного авторским «я») при его отъезде за границу, покидании обжитых мест, странствиях, расставаниях. Лирический субъект словно проверяет возможные ситуации с сопутствующими им выражениями прощания, «примеряет» их на себя как вероятные, но пока не безусловные. Перелом наступает ближе к концу, когда герой представляет свое возможное, после длительного отсутствия, посещение им в зрелом возрасте родины. В результате раздумий он все же отдает предпочтение отчизне – на основании отчетливого заключения: подобно душе, подобно родному языку (что важно и для писателя – художника *слова*, и для любого человека чувствующего и мыслящего), родина у каждого тоже одна.

14 **Билингвема: от установления контакта к его прерыванию**
Любопытный «промежуточный» пример, демонстрирующий дискретный переход от продолжения контакта к его целенаправленному (с сопутствующим комическим эффектом) прерыванию встречаем в тексте комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир» (действие I, явление I): Сын. Mon père! Не горячитесь. Бригадир. Что, не горячитесь? Сын. Mon père, я говорю, не горячитесь. Бригадир. Да первого-то слова, черт те знает, я не разумею. Сын. Ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете! Бригадир. Эх он горло-то распустил. Да ты, смысла по-русски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

15 Данный случай, трактуемый М.Ю. Кириенко как «использование макаронической речи как средства демонстрации языковой компетенции персонажей – персонажу» [5, с. 6-7], также следует рассматривать как иноязычие, вводимое в высказывание с намерением периодического создания ситуации непонимания между говорящими. Более современный, весьма яркий и показательный пример представляет собой следующее стихотворение Юнны Мориц (публикация 2005 г.):

<p>16 И это – всё?.. Коварство, жадность, злоба, Самораспад, насилие и грабёж? Потребностей животная утроба И блудоумья дьявольская ложь?..</p>	<p>И это всё, что есть в репертуаре, На выставке неслыханных чудес, На ярмарке, на праздничном базаре Твоих амбиций?.. Отвечает: – Йес!</p>
---	---

17 В тексте отражен диалог, состоящий всего из двух реплик: первая складывается из ряда вопросов – риторических по своей интонации и коммуникативной сути; вторая являет собой утвердительный ответ. Реплики

неравновелики: вопросы занимают 8 строк, ответ односложен, краток, категоричен. Будучи таковым, он словно «перечеркивает» все многообразие смыслов, заключенных в пространной реплике спрашивающего. То обстоятельство, что ответ дан на языке ином, нежели предшествующий ему вопрос, немаловажно для понимания смысла стихотворения. Читателю мгновенно становится ясно, что между воображаемыми собеседниками нет и не может быть «общего языка», что понимание между ними в принципе невозможно (хотя на внешнем, формальном уровне акт коммуникации все же состоится ввиду наличия положительного ответа). Английское транслитерированное *Йес!* («Да!») выполняет здесь не одну, но несколько функций одновременно. Это и дисфонизация текста, в котором «благородный», «классический» для русской поэзии пятистопный ямб словно обрывается односложным, «убогим» иноязычием; это и сопутствующий комически-сатирический эффект. Однако над всеми иными здесь доминирует подфункция прерывания контакта общения – между всем прочим, как специфический вид продления этого контакта. Вообще, по нашим наблюдениям, иноязычные утвердительные частицы, соответствующие русскому «да», употребляются в русскоязычных художественных текстах достаточно часто и устойчиво (чаще в речи персонажей-иностранцев), причем именно в функции «прерывателей контакта». В этом можно усматривать некоторый смысловой парадокс, поскольку такого коммуникативного поведения можно было бы ожидать, скорее, от антонимов этой частицы, переводящихся на русский как «нет». Парадокс этот легко снимается при анализе конкретных примеров. Текст популярной сказки Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (1987) как раз такие примеры содержит. Предварительно отметим, что вводимое иноязычие, представленное частотными однословными и односложными коммуникативными формулами на трех иностранных языках (разумеется, репрезентируемыми попеременно и последовательно и вложенными в уста разных персонажей), инкорпорировано в фольклорный, а точнее – псевдофольклорный, отчетливо русский контекст. Уже это само по себе может служить достаточным основанием для создания юмористического, а на глубинном уровне сатирического эффекта. Рассмотрим эти манифестации в том порядке, в каком они представлены в тексте сказки. Первый пример представляет собой короткий, основанный на лексико-синтаксических повторах диалог между Царем и английским («аглицким») послом:

<i>Царь</i> Вызывает антирес Ваш технический прогресс: Как у вас там сеют брюкву – С кожурою али без?.. <i>Посол Йес!</i>	<i>Царь</i> Вызывает антирес Ваш питательный процесс: Как у вас там пьют какаву – С сахарином али без?.. <i>Посол Йес!</i>
<i>Царь</i> Вызывает антирес И такой ишо разрез: Как у вас там ходют бабы – В панталонах али без? <i>Посол Йес!</i>	

18 Комизм такого общения передан не только обилием в речи Царя фонетических признаков просторечия типа «антирес» (трижды), «какава», «ишо», «ходют» – в контрасте с общим стремлением этого персонажа выглядеть и звучать дипломатично, учтиво, серьезно, то есть в целом «культурно». Смешными выглядят поразительные по своей коммуникативной нелепости ответы посла, представляющие собой транслитерированное английское *yes*. Разумеется, автор таким образом создает эффект макаронической речи – литературно-культурной традиции, наиболее ярко и полно проявившейся в русской поэзии в сочинениях

И.П. Мятлева (см. его популярную поэму «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан л'этранже», печаталась по частям в период с 1840 по 1844 гг.). По сути, одна и та же реплика английского посла передает вовсе не согласие: ведь если иницирующая диалогическая реплика-вопрос Царя содержит альтернативу («с... али без?» «в... али без?»), то адекватная реакция должна отражать выбор отвечающего, которого в данном случае нет. Выходит, что «йес» посла отражает такое же стремление к продолжению «вежливого диалога», но с полным пренебрежением к смыслу и логике беседы. Иначе говоря, многократные «йес» здесь – не более чем условно-вербальные формулы, направленные одновременно на продолжение контакта, но провоцирующие его спорадическое прерывание. Полноценной коммуникации в данном случае нет – скорее всего, из-за языкового барьера, актуального для обоих собеседников. Тем не менее, инвалидное языковое общение продолжается из-за упорного нежелания собеседников признаваться в собственной коммуникативной несостоятельности. Еще один, в известном смысле аналогичный пример видим уже с двукратным испанским *si* («да») от «гишпанского гранда»:

<p><i>Нянька:</i> Как же, помню!.. Энтот гранд Был пожрать большой талант: С головою влез в тарелку, Аж заляпал жиром бант!</p>	<p>Что у гранда не спроси — Он, как попка, — «си» да «си», Ну а сам все налегает На селедку и васи!</p>
---	---

Третий пример снова представляет собой речь Няньки, обращенную к Царю и повествующую о некоем немецком бароне, который приезжал свататься к Царевне (и получил отказ):

<p><i>Нянька</i> Да уж энтот твой барон Был потрескать недурен! Сунь его в воронью стаю – Отберет и у ворон.</p>	<p>С виду гордый — «я-а» да «я-а», А прожорлив, как свинья, Дай солому — съест солому, Чай, чужая, не своя!..</p>
--	---

19 Билингвема в виде немецкой частицы *ja* – «да» здесь также манифестирована кириллицей, и механизм ее действия как экспрессивного приема с явной прагматической интенцией на первый взгляд родственен механизму предыдущих «йес» и «си». Немецкое *ja* в квазидialoge – еще один признак взаимного непонимания собеседников и безуспешности коммуникации. Однако эффект нарушенной коммуникации в данном фрагменте усиливается за счет того, что повествование ведется от третьего лица, и, соответственно, получает субъективную интерпретацию говорящего персонажа – Няньки. Интерпретация эта основана на каламбурном переосмыслении иноязычия. Действительно, межъязыковая омонимия позволяет русскоязычному монолингву «расслышать» немецкое *ja* как русское местоимение «я», а отсюда и сделать ложно-комическое заключение о явном пороке иностранца – его «видимой гордости» («гордыне»). Каламбурность высказывания подчеркивается контактным расположением немецкого *ja* и русского «да» (последний, правда используется уже в значении союза, что – с учетом контекста – не исключает его грамматической амбивалентности). Помимо сказанного, автор достаточно тонко и точно подсказывает читателю верный путь к пониманию данного фрагмента текста нестандартным написанием билингвемы: «я-а», во-первых, помогает избежать полной омофонии и языкового смещения (немецкое *ja* не должно выглядеть и звучать в точности как русское «я»), а во-вторых, передает еще и интонацию немецкой речи, пускай и в искаженном, передразнивающем воплощении. Итак, все три билингвемы – *йес*, *си*, *я-а* – являются в текстовом пространстве авторской

сказки межъязыковыми синонимами (показательно и закономерно, что из этого ряда как бы изъято русское «да»), то есть вступают в системные отношения, – но, скорее, друг с другом, причем дистантно, нежели с соответствующими им контекстами. Актом полноценной (и экспрессивной) коммуникации при таком условии выступает текст, в то время как на контекстуальном уровне коммуникация как раз намеренно прерывается.

20 **Заключение** Подведем итоги. Переход с одного языка на другой, внешне нарушающий национально-языковую, также и национально-культурную гомогенность текстовой ткани словесного художественного произведения, следует расценивать как авторский творческий акт. Когнитивная сущность сложного культурного знака, каким является художественный текст, при этом вовсе не разрушается, не дробится и не распадается на не соотносимые друг с другом фрагменты. Когнитивная интегративность «двухязычного» текста не просто сохраняется, но служит основой для его смыслового обогащения, верного восприятия и, в целом, безошибочной интерпретации всей его смысловой структуры. С точки зрения прагматистических параметров смену языковых кодов внутри единого художественного конструкта следует в любом случае рассматривать как намеренный экспрессивный прием. Прием этот, помимо прочего, в силу изобразительных возможностей внутритекстового иноязычия может использоваться в качестве эффективного средства демонстрации, поиска, нахождения, установления и продления контакта между участниками диалога (явного или скрытого) или же, наоборот, для индикации нежелания такой контакт поддерживать. Обе выделенные нами подфункции иноязычия выступают как частные воплощения текстовой коммуникации, проходящей по линиям «автор – читатель», «автор – персонаж», «герой – персонаж», «персонаж – персонаж» и т.д. Как явствует из рассмотренных примеров, с наибольшей очевидностью функция установления/прерывания контакта проявляется не во всяком художественном тексте, но лишь в тех, которые представляют собой *акт общения*, или имитируют его, или намекают на него, то есть так или иначе тематически *диалогизированы* автором произведения. Знание и выявление фатической функции и соответствующих ей подфункций не только существенно расширяет и без того богатый функциональный репертуар внутритекстового иноязычия, но и помогает воспринимающему субъекту – слушателю, читателю, исследователю – прийти к более глубокому и верному осознанию тех скрытых интенций, которыми руководствовался автор при создании художественного текста.

Библиография:

1. Багиров Х.З. Билингвизм – инструмент исследования двуязычия в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 1 (252). С. 21-25
2. Каменева Л.Н. О передаче иноязычных выражений в немецких текстах при переводе на русский язык // Вопросы научно-технического перевода. Челябинск: 1978. С. 54-56.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, «Перемена». 2004. 477 С.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. 1. – Волгоград, 2005. С. 13-15.
5. Кириенко М.Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений. Автореф. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д: 1992. 24 с. – С. 6-7.
6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: 1986. 142 с.
8. Николаев С.Г. Межсистемная цитата как средство создания изобразительности в поэтическом высказывании // Вестник Пятигорского гос. лингвистич. ун-та. 2006, № 1. – С. 99-103.
9. Николаев С.Г. Монолингвизм героев песни The Beatles 'MICHELLE' как причина коммуникативного коллапса в лирическом тексте. Часть 1 // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 3. С. 12-21.
10. Николаев С.Г. Монолингвизм героев песни The Beatles 'MICHELLE' как причина коммуникативного коллапса в лирическом тексте. Часть 2 // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 48-53.
11. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть I: Теоретические основы изучения иноязычия в поэзии. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Старые русские», 2004. – 176 с.
12. Нистратова С.Л. Контактостанавливающая функция языка и сферы ее проявления // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. – С. 63-68.
13. Сапожникова О.С. К вопросу о переводе иноязычных элементов оригинала // Актуальные вопросы теории и практики перевода научно-технической литературы. Орел: 1980. – С. 40-42.
14. Формановская Н.И. Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты. – М., 1982. – 126 с.

Cognitive and Pragmastylistic Reasons for Introducing Foreignisms in a Literary Text (by the example of the contact-establishing function of bilinguemes)

Sergey Nikolaev

*Chairperson of the English Philology Department, Southern Federal University,
Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, Southern Federal
University*

Rostov-on-Don , 162, Bld 197 Ul. Goroda Volos, Rostov-on-Don 344000 Russia

Abstract

This paper considers Russian texts and their fragments, predominantly poetic, written over an extended period of time (18th – 21st centuries) and containing various foreign insertions named bilinguemes. The author states that transition from one language to another, which seemingly distorts the national-lingual, national-cultural homogeneity of the text body, should be viewed as a deliberate creative will act of the producer of literary speech. Foreignisms can perform the contact-establishing function without the slightest disturbance of the cognitive continuity of the text. The “renewed” integrity is not only preserved and strengthened, it now serves as a basis for the sense-bearing enrichment, correct perception and generally faultless comprehension and further interpretation of the elaborate semantic structure of the utterance.

Keywords: literary text, bilingueme, bilingualization, interlingual intratextual juncture, contact-establishing (phatic) function of foreignisms, pragmastylistics of macaronic speech.

Publication date: 22.10.2021

Citation link:

Nikolaev S. Cognitive and Pragmastylistic Reasons for Introducing Foreignisms in a Literary Text (by the example of the contact-establishing function of bilinguemes) // Russian Journal of Bilingualism Studies – 2021. – Theoretical and Applied Aspects of the Bilingualism Research in the Focus of Scientific Discussions C. 24-33 [Electronic resource]. URL: <https://bilingualism.ru/S271291870016826-4-1> (circulation date: 04.07.2024).